

ЛОГИКА ГЛОБАЛЬНОГО РЕАЛИЗМА

Нынешний финансово-экономический кризис не вписывается в существующую экономическую теорию, а капиталистическую практику он поразил наповал, о чем мы уже писали вкратце в своей статье «Гримасы двуликого Януса», опубликованной в газете «СБ. Беларусь сегодня». В продолжение темы можно сказать, что в руководстве США, западноевропейских и других ведущих мировых держав царит растерянность. Известные модели циклического развития производства вновь оказались невостребованными. Как и всегда, неприятности разразились внезапно, во время блаженного наслаждения лидеров мировой экономики хозяйственными триумфами. «Философия хорошей погоды», сформулированная в документах известных международных организаций и ангажированных экспертов, как говорится, «крахнула».

Сегодня ученые, политики, деловые люди ищут причины кризиса и пути выхода из него. Но появляются все новые и новые труднообъяснимые вопросы. Почему, например, резервный фонд США озабочен выпуском не реальных, а суррогатных (спекулятивных) денег? Откуда парадокс: денег по-монастырски мало в реальной экономике – у человека труда и производственного капитала, но вопиюще избыточно у топ-менеджеров (их премии в 300 раз больше зарплаты) и фараонов финансовых пирамид? Агнцем на публичное заклинание оказался некий Мейдофф с капиталом в 50 млрд. долларов и череда ему подобных, но судьи кто? Быть может, британская палата лордов, члены которой, начиная с премьер-министра, путают государственные расходы с приватными?

«У подножия маяка темно». На уровне явлений невозможно понять, что суть дела – не в деньгах, а в их *назначении*. Испокон веков деньги были магическим кристаллом, символом и инструментом одной, но пламенной страсти: «Что вижу? Золото? Ужели правда? // Сверкающее, желтое... // Чтоб черное успешно сделать белым, // Уродство – красотою, зло – добром, // Трусливого – отважным, старца – юным, // И низость – благородством» (У. Шекспир. «Тимон Афинский»). Перевод Н. Мелковой). Ф. Ницше называл

такую страсть «волей к власти», а Ф. Достоевский – «чеканенной свободой». Нынешняя вакханалия вокруг «золотого тельца» – это следствие, очевидное «у подножия маяка», а в лучах его прожектора предстает подлинная *причина, масштабы и глубина* глобальной драмы. Требуют объяснения ее корневая система, природа выросшего из нее дерева и плодов не только его зла, но и, как это ни парадоксально, добра.

На наш взгляд, в поиске причин кризиса и разработке стабилизационной стратегии все внимание концентрируется только на экономике, в отрыве ее от политики и социального управления. Поэтому называемые истоки проблем не вполне убедительны, а предлагаемые меры по их преодолению не всегда эффективны. Мировой опыт свидетельствует: крупные общественные явления можно объективно и предметно рассмотреть лишь через призму таких наук, как история, философия, экономика, социология, политология, социальное управление.

Владимир БОБКОВ,
член-корреспондент
НАН Беларуси,
доктор исторических
наук, профессор

Илья ЛЕВЯШ,
доктор философских
наук, профессор

ДВУЛИКИЙ КАПИТАЛ

В ситуации, когда гром победных фанфар по поводу «стабильного развития» международного капитала утих, легче расслышать Марксов вывод о том, что «вся история

...Маркс видел, что капиталистическая форма все более подавляет содержание и обесценивает смысл труда. Получая 20 % прибыли, писал он, капитал дремлет, получая 50 % – просыпается, а в перспективе 100–200 % прибыли «нет такого преступления, на которое он не пойдет даже под страхом виселицы».

есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы», и в основании этого процесса – «*порождение человека человеческим трудом*» [1, с. 20].

Генератором становления и развития цивилизации, ее движения от одной исторической ступени к другой является производительность общественного труда, его «сеятеля и хранителя», или «человеческий капитал». Этот капитал – человекотворческое ядро расширенного воспроизводства общественного богатства, и он характеризуется образовательным и профессионально-квалификационным уровнем работников, способностью и готовностью общества повышать их производительность и доходы, вносить все более растущий вклад в социально-экономическое развитие.

Такое понимание сущности и роли «человеческого капитала» – продукт длительного развития. На заре индустриальной цивилизации с ее массовым производством и универсальным обменом возникла необходимость в адекватной оценке труда и его продуктов. А. Смит – шотландский экономист и философ XVIII века – разработал теорию *трудо-вой* стоимости. Действительная стоимость товара складывается из компонентов классической триады: земли, труда и капитала. Смит был сторонником «невидимой руки» – свободной конкуренции. Это была определенная реалья экономики того времени с ее относительным балансом мелких и средних товаропроизводителей. Более того, классик романтически полагал, что их конкуренция должна быть подчинена принципу «симпатии», близкому золотому правилу гуманизма: человек человеку – не средство, а *самоцель*.

К. Маркс не разделял иллюзии своего предтечи, но воспринял трудовую теорию стоимости как ключ к пониманию исторического смысла и значения противоречивого, но все же синтеза труда и производственного капитала – синтеза, способного обеспечить реальную экономику. Однако Маркс видел, что капиталистическая форма все более подавляет содержание и обесценивает смысл труда. Получая 20 % прибыли, писал он, капитал дремлет, получая 50 % – просыпается, а в перспективе 100–200 % прибыли «нет такого преступления, на которое он не пойдет даже под страхом виселицы».

В такой оценке Маркс был не одинок. Ее образно представил хорошо известный читателю бельгийский писатель XIX века Ш. де Костер в своей «Легенде об Уленшпигеле» (1867 год). Название книги этимологически означает «сову и зеркало... это ваше, правящие, зеркало глупостей, нелепостей и преступлений целой эпохи... На чем основывается ваша политика с тех пор, как вы властвуете над миром? На резне и бойне... Сова – это политик, который надевает на себя личину свободомыслия, неподкупности, человеколюбия и вонзает нож в спину... целому народу. Сова – это купец, который разбавляет вино водой, который торгует недоброкачественным товаром» [2, с. 10, 12].

Чем более иссякали возможности получения сверхприбылей за счет природных ресурсов, тем сильнее объектом эксплуатации становился труд. Его роль в экономической жизни, социальный и моральный престиж неуклонно обесценивались, в том числе – и это следует признать – в советском обществе. Вот как видит эту тенденцию автор фундаментального труда «Развитие цивилизации в Америке» М. Лернер: «Деградация идеи труда знаменует отступление на второй план всех стимулов к труду, кроме денег... Человеческий труд становится товаром... *Личность на продажу* стала неременной принадлежностью общества... Рабочие значатся в бухгалтерской ведомости одним списком с машинами, материалом и службой доставки» [3, с. 300].

Между тем отношение к человеку как товару рыночной экономики все более противоречило изменениям в *содержании и характере* труда.

С одной стороны, ранее рынок был мерилем стоимости труда, потому что поддавались измерению и оценке: 1) материальные средства труда; 2) непосредственный простой труд; 3) зримые результаты труда и продуктов обмена. Ныне, когда производительность общественного труда обусловлена деятельностью и интеллектом «совокупного работника» (термин Маркса) – субъекта сложного, научно фундированного труда, его производительность и реальную стоимость невозможно исчислить только рынком. К примеру, сколько стоит труд Учителя на всех уровнях образования или Ученого? Тем более – стои-

мость фундаментальных и даже прикладных исследований?

С другой стороны, произошла коренная мутация капитала в двуликого Януса. Ранее он был по преимуществу организатором производительного труда как единственного источника материального, социального, духовного богатства и посредником эквивалентного рыночного обмена. С усложнением производства и нарастающим приоритетом «человеческого фактора» производительных сил капитал «расщепляется» на *производственный* и *финансовый*, и соотношение между ними все более меняется в пользу второго.

Производственный капитал реальной экономики – это партнер труда, связанный с ним общим интересом развития производства и относительно справедливой оплаты, устанавливаемой в ходе разрешения социальных конфликтов. Этим был озабочен Генри Форд, а ныне – пионер мировой компьютерной сети Билл Гейтс. Кстати, каждый второй миллиард прибылей он отдает на так называемую «благотворительность». Видимо, правильнее называть ее *ответственностью* бизнеса перед обществом. Гейтс понимает, что компьютер – продукт совокупного труда сотен тысяч людей. *Справедливости*, а не милосердия, – вот чего не хватает в мире.

В противоположность производственному капиталу *финансовый* капитал, по сути, *спекулятивная пирамида*, плод порочного зачатия махинаций «гениев финансовых проделок» (определение В. Ленина). Он не только не имеет никакой положительной связи с трудом и капиталом реальной экономики, но и несоизмерим с ними, паразитирует на них. Это уже господство не человеческого, а *нечеловеческого* капитала, который цинично попирает самоценность труда и общественные интересы. Буквально хвост вертит собакой: не рынок для общества, а *общество для рынка*.

Эксперты отмечают, что за последние десятилетия мир покрылся неустойчивой к потрясениям сетью международных финансовых рынков. Многомиллиардные долларовые суммы благодаря телекоммуникациям мгновенно перебрасываются из одной части света в другую, циркулируя в едином планетарном пространстве. Уже в конце XX века сумма покупок и продаж валюты только по не извест-

ным никому правилам *игры на разнице* курсов и процентных ставок достигла 400 трлн. долларов!

Обращает на себя внимание *спекулятивный*, никак не связанный с реальной экономикой, характер глобального финансового мира. В середине 90-х годов масштабы операций достигли такого объема, что только иностранный капитал, вложенный в государственные ценные бумаги, ежедневно составлял 200 млрд. долларов. Это в 2 раза больше мирового ВВП и почти в 12 раз больше мировой торговли товарами [4, с. 123]. Если в 90-х годах прошлого века валовой продукт в мире вырос всего на несколько десятков процентов, а объем мировой торговли чуть больше, то стоимость финансовых сделок увеличилась, согласно данным МВФ, почти на *два порядка*. В таком раскладе и в национальных рамках, и в мировом масштабе финансовый сектор *отрывается от реального* производства и «гуляет» сам по себе, как кипплинговский кот.

Однако «чеканенная свобода» финансового капитала, особенно в последнее время, стала слишком дорого обходиться все более единому и неделимому миру. Спекулятивные деньги перестали стимулировать нормальный цикл «производство – потребление». Они не исчезли, не сгорели в огне, а переместились в карманы финансовых спекулянтов, которым нет дела до производства, а их личное обогащение является вопиющим контрастом потребительской «корзине» миллионов людей. Поистине библейские мудрецы были пророками: «Ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» [5].

Произошла фундаментальная подмена честного *предпринимательства* пресловутым *бизнесом*. Его нехитрый рецепт озвучивает известный «Голос Америки» (15.09.1999): «Если вы купили часы за 8 долларов, а продали за 15 долларов, то вы преуспели в предпринимательстве». Еще недавно у нас это называлось *спекуляцией* и было далеко не в чести.

Обуздание подобного недуга возможно при условии ответственного и компетентного *политического* курса. Но мы видим, что «черного кобеля не отмоешь добела»: уже после того, как в США сотни миллиардов долларов были направлены на спасение финансовых

БОБКОВ

Владимир Андреевич.

Родился в 1939 году в Жлобинском районе Гомельской области. В 1963 году окончил БГУ. Работал в отечественных СМИ, Институте истории партии при ЦК КПБ, Белорусском государственном экономическом университете (заведующий кафедрой политологии), директором Минского НИИ социально-экономических проблем. В настоящее время – заведующий сектором социально-политических отношений Института экономики НАН Беларуси. Председатель Белорусской ассоциации политических наук.

Член-корреспондент НАН Беларуси (1989), доктор исторических наук (1978), профессор (1983). Опубликовал свыше 300 научных работ.

Сфера научных интересов: политология, политическая история, международные отношения.

монстров, их топ-менеджеры не отказались от многомиллионных бонусов.

И такова лишь вершина айсберга. А в основании – засилье *рыночного фундаментализма*, или неограниченной конкуренции как «войны всех против всех». Наивно полагать, что ею движет «невидимая рука» рынка. Французский политолог Г. Сорман пишет: «Классический либерализм стал теорией экономического роста как самоцели, предполагая, что всё непременно уладится само собой благодаря волшебным свойствам рынка. Но рынка больше нет. Мы живем не в вакууме, а в обществе, создавшем свои институты... Либеральные идеи представляют собой лишь идеологический фасад, прикрывающий истинное положение» [6, с. 79, 101].

Нынешний мировой кризис – это испытание экономик, которые, казалось бы, вступили в стадию устойчивого развития, но оказались в неуклонно нарастающей зависимости от преследующего совсем другие цели финансового капитала.

История не повторяется. Это подтверждается уже тем, что сотни миллиардов долларов или евро, направленных на поддержку ее важнейших отраслей и тем более банков, не спасают от неуклонного падения производства и отбрасывают на грань выживания недавно относительно «благополучного» человека труда.

КРИЗИС ИЛИ КОЛЛАПС?

Модель мировой экономики, складывавшаяся примерно с начала восьмидесятых годов на основе «свободного рынка», не управляемого международными структурами и государствами, показала свою несостоятельность. Налицо кризис не только экономики, но и идей. Рухнули не только отдельные компании, но и *бренд под названием «Америка»*, базировавшийся на идее мессианского призвания США как «нового Иерусалима», обетованной земли «избранного народа», на сей раз безошибочно указанных Провидением. Не стоит недооценивать пассионарную энергетику этой мифологемы. Америка позицио-

нировала себя как модель и «дорожная карта» пути к процветанию и открытости для всего мира, образец либерально-демократических идей и демократической практики. Они были если не главной, то одной из главных статей американского экспорта по всему миру, включая и Европу. С начала восьмидесятых годов прошлого столетия, когда президентом США был избран Р. Рейган, насаждение в мировую общественную мысль вышеназванных идей стало по сути американским внешнеполитическим приоритетом. У большинства американцев укрепились огромное самомнение, вера в то, что в их стране все правильно и свято.

Конечно, «пациент скорее жив, чем мертв», и нельзя считать, что США погибли в пучине спровоцированного ими глобального финансово-экономического кризиса. Но статус нации-гегемона они определенно утратят. Это уже не прогноз, а констатация. Известный социолог Д. Белл резюмирует: «Америка начинает свое движение вниз. Я пессимистически смотрю на перспективы американского могущества» [7, с. 56].

Нельзя не заметить, что такое положение в значительной степени стало результатом *разрыва между политическим управлением и экономикой*. Наиболее ясно он обозначился в деятельности бывшего президента США Дж. Буша-младшего, чья политика стала демонстрацией мировому сообществу проявлений политического авантюризма в ущерб реальным экономическим потребностям. Таким же волюнтаризмом была заменена и нормальная экономическая философия, под которой понимается система идей, основанная на всестороннем анализе и взвешенных научных оценках. Известный американский мыслитель Ф. Фукуяма, анализируя принимаемые прежней администрацией Белого дома меры по выходу из кризиса, пишет: «Малоубедительная реакция на финансовый кризис демонстрирует, что самые основательные реформы нужно провести в области политики» [8, с. 22].

Характерно, что одним из первых почувствовал потребность в преодолении разрыва между финансово-экономической политикой и политическим управлением нынешний американский президент Барак Обама. Такой

подход несводим к конъюнктуре «смены караула» в Белом доме и во многом обусловлен классической традицией. Нет уверенности, что в Гарвардском университете, где учился Обама, знают тезис В. Ленина о политике как концентрированном выражении экономики. Но там, несомненно, осведомлены, что еще до него выдающийся социолог XIX столетия Г. Спенсер сравнивал общество с живым организмом, подобным человеческому телу. По Спенсеру, каждая часть общества – политическая, экономическая, религиозная и т.п. – выполняет свою функцию, и чем более они согласованы между собой, тем устойчивее целостный организм, тем эффективнее он функционирует [9].

С этих позиций резонен вопрос: наблюдаем мы *кризис мировой системы или ее коллапс*? Если исходить из того, что обострение современного финансово-экономического недуга является результатом обострения противоречий между новыми потребностями устойчивого развития реальной экономики и безнадежно устаревшими установками спекулятивного финансового капитала, то «идеальный способ лечения перхоти – гильотина». Однако это одновременно невозможно и нежелательно. *Невозможно* – потому что в распоряжении тех, кто отвечает за формирование нынешнего миропорядка, все еще находятся мощные адаптационные экономические и политические механизмы контроля и влияния. Но это еще и *нереально*, потому что «пролетарии» – люди труда всех стран – опасаются возвращения другой крайности: шлагбаума «реального» и даже «развитого социализма», идеи которого были основательно дискредитированы в предыдущем столетии. Но метод гильотины и *нежелателен*, поскольку все, кроме крайне левых или крайне правых, ныне заинтересованы не в революционной ломке «до основания», а в *эволюционной* трансформации общества.

Таким образом, перед нами не тупик, а очередной кризис, и не только как угроза с ее рисками, но и, в конечном счете, как конструктивный вызов. Сегодня в Америке и в мировой практике в целом наблюдается заметная политизация глобальных, региональных и национальных мер по преодолению финансово-экономического кризиса. На пе-

редний план выходит политическое обеспечение рационального управления социально-экономическими процессами, поиск баланса между политическим (государственным) управлением и либерализацией.

БЕЛОРУССКИЙ ОТВЕТ

Изложенные соображения – результат далеко не академического созерцания мирового кризиса. В решающей мере они обусловлены вовлеченностью в него нашей страны, ее народа и государства. В этом смысле мы разделяем стремление академика А.Н. Рубинова определить исходные позиции Республики Беларусь в данном контексте, или особенности белорусской модели развития. В его статье «Белорусская модель развития и мировой кризис» главные черты модели: «эволюционный путь развития», «социальная направленность, равное отношение со стороны общества и государства к людям разных национальностей и разного вероисповедания» [10].

Названные черты – несомненные добродетели, но проблема в том, что на их основании невозможно выявить *специфику* белорусской модели. Ныне это признаки большинства более или менее развитых и «развивающихся» государств. В чем же наши действительные особенности?

Во-первых, не секрет, что государственное регулирование в республике подвергается довольно критической оценке экспертов как за рубежом, так и в нашей стране. Чаше всего нарекания вызывает чрезмерно жесткий государственный контроль, парализующий кровеносные сосуды экономики и затрудняющий ее нормальное функционирование. Вместе с тем нельзя отрицать, что наличие «твердой руки» – сильного государственно-го регулирования и большого комплекса мер по социально-политической стабилизации – помогло сохранить основные производительные силы и не допустить *деиндустриализации*, к которой фактически призывали сторонники «свободного рынка».

Во-вторых, наша специфика выявляется во все более заметной взаимосвязи политики и экономики, *демократизации* политических структур и *либерализации* экономических

ЛЕВЯШ

Илья Яковлевич.

Родился в 1937 году.

В 1960 году окончил Одесский государственный университет им. И.И. Мечникова. В 1968 году защитил кандидатскую диссертацию по философии в Институте философии АН СССР. Работал преподавателем в различных учреждениях образования, в том числе Иерусалимском университете, заведовал кафедрой культурологии Минского лингвистического университета.

В настоящее время – профессор кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств.

Доктор философских наук (1977), профессор.

Опубликовал более 200 научных работ, свыше десятка монографий.

Действительный член Всемирной академии наук, образования и гуманитаристики (Испания); Российской академии гуманитарных наук.

Сфера научных интересов: социальная философия, культурология, глобалистика, геополитика, философия образования.

**Индекс развития
человеческого потенциала
(ООН, отчет за 2007 год)**

Страна	Место
Беларусь	64
Россия	67
Казахстан	73
Украина	76
Армения	83
Грузия	96
Азербайджан	98
Туркменистан	109
Молдова	111
Узбекистан	113
Кыргызстан	116
Таджикистан	122

отношений, что ведет к формированию пространства для эволюционных перемен, модернизации белорусской экономики и общества, расширению пространства свободы.

«Диктатура либеральных решений» сегодня крайне нужна нам и для борьбы с оседлавшей страну бюрократией. Директор Института экономики НАН Беларуси академик П.Г. Никитенко отмечает, что белорусскую модель развития с интересом изучают в Европе и других странах. В то же время подзаконные акты, порождаемые армией чиновников, сводят на нет большинство прогрессивных норм.

Заметим, что в условиях кризиса кое у кого появляется желание покончить с либерализацией и демократизацией и вернуться к сплошному огосударствлению. Думается, что не менее опасно и огульное дерегулирование. Если корабль рыночной экономики перестал слушаться руля, то

правильнее будет обследовать рулевое управление, а не опускать его в административно-командные пучины.

Важно не только понимать, но и чувствовать допустимую *грань* государственного регулирования в конкретных исторических условиях. Сегодня ясно, что либеральный фундаментализм довел Запад «до жизни такой», и там приходят к необходимости его ограничения. В нашей же белорусской реальности госрегулирование, необходимое в 90-х годах для спасения экономики от либерального погрома и социально-политической нестабильности, перешло *меру* такого воздействия.

В чем же заключается эта мера? Не приведет ли «диктатура либеральных решений» к тому, что мы наступим на грабли либеральной вседозволенности? В историческом плане формы собственности определяются не конъюнктурной успешностью/неуспешностью, а фундаментальными факторами: 1) степенью реального обобществления производительных сил; 2) масштабами производства; 3) темпами реализации конечного продукта. Такие производительные силы, как земля, транспортно-логистическая инфраструктура, стратегические коммуникации, оборона, образование и наука, ключевые социокультурные структуры («национальное

достояние»), способны быть наиболее эффективными (но не автоматически) в форме общественной (государственной) собственности, а частные интересы различной степени общности – в формах кооперативной, частной и индивидуальной.

В-третьих, главная особенность белорусской модели развития – ориентация на человеческий капитал как на долгосрочный резерв стабильного развития страны. В принятом ООН Индексе развития человеческого потенциала в 2007 году Беларусь занимала 64-е место (см. таблицу). По индексу, измеряющему *инновационный* характер государства, Беларусь уже в 2008 году – 56-я среди 192 стран (Россия – на 60-м месте).

Если дополнить эту статистику цифрами, характеризующими испытываемый Беларусью острый дефицит в энергетических ресурсах, то становится понятным, что критически необходимым для ее безопасности и стабильного развития является именно *человеческий капитал*. Это важно и с точки зрения современного императива конкурентоспособности, который требует работников *инновационного* типа, способных успешно осваивать новейшие технологии и создавать собственные уникальные и востребованные во всем мире продукты труда.

В-четвертых, своеобразие белорусской модели все более отчетливо выявляется в процессе вовлечения нашей страны в единый и неделимый глобальный мир. Еще недавно наша республика была для Запада «государством-изгоем», а Москва недвусмысленно предлагала Беларуси войти в состав Российской Федерации. Непривычно трудоемкая проблема для Запада, да и для России, заключалась в том, что они имеют дело с новым и зрелым центральноевропейским политическим субъектом – суверенной Республикой Беларусь. Президент А. Лукашенко четко определил такую ориентацию: «Мы выбираем не Восток и Запад или же Восток или Запад – МЫ ВЫБИРАЕМ БЕЛАРУСЬ, которая в силу экономики, в силу истории, в силу географии, в силу культуры и менталитета будет и на Востоке, и на Западе» [11]. Поэтому самая трудная формула: национальный суверенитет – *насколько возможно*, международные обязательства – *насколько необходимо*.

Минск добился решительного перелома в отношениях с Россией, убедив, что Беларусь хочет быть с Россией, но не в России, и теперь задача в том, чтобы наполнить реальным содержанием наш действительно братский Союз. Назрело и возвращение Беларуси в свой исторический дом – Европу. Сегодня уже и экс-президент Польши А. Квасьневский отмечает, что «Беларусь – не сосед Европы, а европейский сосед», и Евросоюз посылает Минску сигналы налаживания взаимоотношений в рамках политики «Восточного партнерства» (насколько адекватно самое понятие – отдельная тема).

Положительную роль таких сдвигов в «самостоянии» Беларуси на семи ветрах мирового кризиса трудно переоценить. Европейская комиссия, выступая за увеличение финансовой помощи шести бывшим республикам Советского Союза, в рамках программы «Восточное партнерство» планирует для этой цели до 2013 года выделить 350 млн. евро. Конечно, сумма небольшая, но в условиях финансово-экономического кризиса она – на приемлемых условиях – лишней не будет. В принципе можно приветствовать и то, что Еврокомиссия намечает со странами «Восточного партнерства» расширение зоны свободной торговли, упрощение визового режима, а в дальнейшем – его отмену, координацию энергетической политики, а затем создание экономического сообщества стран – соседей Евросоюза.

Однако в Минске понимают, для чего иным дипломатам дан язык. Предполагаемое «Восточное партнерство» – это также и стратегический проект, нацеленный на снижение влияния России в Европе и в Евразии. Участвуя в нем, нам нельзя потерять своего стратегического партнера – Российскую Федерацию, и Президент А. Лукашенко определенно акцентировал этот приоритет на недавней встрече с представителями учреждений Республики Беларусь. Представляется, что для Беларуси, которая находится в центре Европы, необходимо расширять *двуединство европейских векторов* во внешней и внешнеэкономической политике. Это возможно в рамках продолжения курса на активное участие в таких интеграционных объединениях, как Союзное государство,

СНГ, ЕврАзЭС и ОДКБ. Нам надо, как это делается во всем мире, учиться извлекать из геополитических, геоэкономических преимуществ и историко-цивилизационных особенностей нашей страны определенные выгоды, оберегая ее национальные интересы.

Кризис преходящ, а действительно конструктивные меры будут работать и на перспективу. В чем она заключается для Беларуси, для всего мира?

В конечном счете, ясна наиболее фундаментальная проблема: традиционный гуманизм в духе абстрактной формулы «Человек – мера всех вещей» исчерпал себя, и востребован *новый, практический гуманизм*. Провозглашенное ранее «Ничто человеческое мне не чуждо» предстоит трансформировать в «Никакой человек мне не чужд». А это диктует необходимость практической переоценки парадигмы общественного прогресса и переход на новые принципы взаимодействия природы, общества и Человека. Суть их составляет идея: самоцелью и богатством общества является не рост производства или техногенных ценностей как таковых, а *конкретный* Человек. Устойчивость развития должна основываться на таких основных принципах, как: сбалансированность экономики и экологии, экономической и социальной сфер, образования и духовной культуры, комплексное решение не только текущих проблем, но и задач на перспективу в интересах будущих поколений.

Новая социально-экономическая модель, подразумевающая активную роль государства, гражданского общества, должна также содержать в себе весомый *нравственный компонент*. Вопрос о морали в экономике, как свидетельствует мировая практика, вовсе не праздный. Если, скажем, в производственной экономике еще существуют относительная прозрачность и контролируемость, что позволяет обществу оказывать свое влияние, то в области финансов таких институтов фактически нет. Отсутствие гласности, потворствующее аморализму, ведет в никуда.

Такова логика экономического и политического реализма, и фактически все, позволяющее избежать отмеченных подводных камней, заложено в белорусской модели развития. Важно только наполнить ее адекватной практической работой. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 19.
2. Костер, Ш. де. Легенда об Уленшпигеле / Ш. де Костер. – М.: Художественная литература, 1987. – 307 с.
3. Лернер, М. Развитие цивилизации в Америке: в 2 т. / М. Лернер. – М.: Радуга, 1992. – Т.1. – 669 с.
4. Свободная мысль. – 1999. – № 11.
5. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета / Евангелие от Матфея. – Библейские общества.
6. Сорман Г. Либеральное решение / Г. Сорман. – М.: Новости, 1992. – 267 с.
7. Белл, Д., Иноземцев, В. Эпоха разобщенности / Д. Белл, В. Иноземцев. – М.: Postindustrial-net, 2007. – 303 с.
8. Фукуяма, Ф. Падение корпорации «Америка» / Ф. Фукуяма // Мир перемен. – 2008. – № 4.
9. Спенсер, Г. Основания социологии: в 2 т. / Г. Спенсер. – СПб.: Академия наук, 1898.
10. Рубинов, А.Н. Белорусская модель развития и мировой кризис / А.Н. Рубинов // Советская Белоруссия. – 2009. – 11 марта.
11. Лукашенко, А.Г. Внешняя политика Республики Беларусь в новом мире: доклад на совещании с руководителями учреждений // А.Г. Лукашенко // Советская Белоруссия. – 2004. – 23 июля.